

Читайте в серии
«Молодежное российское фэнтези»:

Алекс Джун «Спи, Алиса»

Дельта Корнер «Убийца Королей»

Кайса Локин «Сумеречный сказ»

Екатерина Соловьева «Избранник смерти»

Елена Добрынина «Эмма Дженкинс»

Натали Рок «Кровь и клятва»

Валентина Колесникова «Пленница льда»

София Баюн «Механические птицы не поют»

Анна Катнер «Пленница пророчества»

Анна Безбрежная «Амулет ведьмы»

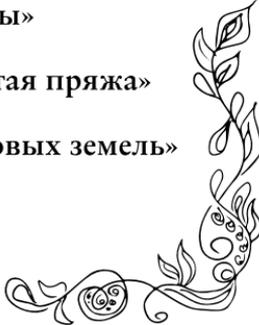
Анна Жнец «Дракон из сумрака»

Кейлет Рель «Сердце ведьмы»

Алёна Ершова «Чертополох и золотая пряжа»

Екатерина Соловьева «Князь Штормовых земель»

Саша Урбан «Алая Топь»

САША УРБАН

Алая
Топь

Freedom

Москва
2025

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У69

Иллюстрация на обложке *Софьи Громовой*
Художественное оформление *Миланы Корягиной*

Урбан, Саша.
У69 Алая Топь / Саша Урбан. — Москва : Эксмо,
2025. — 384 с. — (Young Adult. Молодежное россий-
ское фэнтези).

ISBN 978-5-04-207068-6

Алой Топи сторонится каждый, кто достаточно умен, чтобы не искать встречи с нечистью. Но именно туда отправляется молодой князь Святослав, чтобы спасти свои владения от мертвой воды, затопившей его земли. Вся надежда — на молодую колдунью Милораду. Девушка готова ему помочь, но и сама не проста — за свою помощь требует ответную услугу: выбраться из Алой Топи и стать женой князя. Святослав не жаждет связывать себя узами брака с чародейкой, но уже не может перестать думать об огненных косах девушки и чудесах, следующих за ней. Милорада становится его надеждой, но юноша не подозревает, что она же может обернуться его проклятием...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-207068-6

© Саша Урбан, 2024
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2025

ГЛАВА

1

— Говорю тебе, княжич, проклятье это, — бормотала женщина, высунувшись из окна по пояс.

Из другого окна показалась косматая голова ее мужа:

— Замолчи, глупая баба! Замолкни, пока пуще беды не сделалось.

— Да куда уж пуще, дурень! Сперва засуха, теперь потоп. И дураку будет ясно, что боги гневаются, — покачала она замотанной в платок головой.

— А ты не гневи их еще больше жалобами своими, — шикнул муж и протянул огромные руки, подхватывая из лодки мешок с провизией: хлебом, сушеным мясом и крупой. Еды было немного, но даже эти крохи люди принимали с благодарностью. Еще бы, сам княжич Святослав спускался из терема на холме, чтобы раздать голодающим то немногое, что оставалось в их собственных погребах.

— Не беспокойтесь, скоро уж распогодится, — приговаривал юноша, отбрасывая со лба светлые кудри. Испарина смешивалась с мелкими каплями моросившего дождя. — Помните, как было-то несколько дней назад, когда дождь стеной шел? Сейчас-то полегче.

— Полегче-то полегче, — принялась было причитать женщина, но под грозным взглядом мужа тут же стусевалась. Святослав кивнул хозяину дома и от-

толкнулся веслом, чтобы приблизиться к следующей избе.

Всего месяц назад город был окутан облаком пыли и дыма. Засуха тянулась с самой весны, и, как снег сошел, небо не расщедрилось ни одной каплей дождя. Горел лес, иссыхали реки, а дороги раскалялись так, что прожигали подошвы до самой кости. Когда на землю упали первые капли, народ обрадовался, решил, что темная полоса закончена, даже не догадываясь, что принесенное ливнем облегчение скоро станет новой напастью. Дождь лил, не переставая, почти месяц. Иногда к нему присоединялся порывистый ветер. В первые же дни дороги превратились в длинные полосы грязи, поля и долины — в гниющие топи. Город по окна погрузился под воду, а в низинах до земли было не дотянуться и веслом. Реки вскипели и вышли из берегов. Даже княжеский терем не был защищен от лютующей стихии: под градом и дождем протекала крыша, а в горницах пахло плесенью и сыростью. Большинство запасов в кладовых и погребах отсырели или стали пищей крыс, но Святослав делал то единственное, что оставалось в его силах, — брал понемногу из запасов, садился в лодку и на весь день отправлялся в город, раздавать людям еду и, по возможности, надежду.

В вылазках его сопровождал Влас — конюх лет двадцати, низкорослый, с ногами колесом, так и не сумевший отрастить бороду. Зато язык у него был что помело: он подхватывал любой разговор и мог заболтать кого угодно байками и историями, которые «где-то слышал». Вот и в этот раз, когда они поменялись местами и настала очередь Власа стучаться в окна и пере-

брасывать мешки, он без умолку трещал о том, что скоро дождь утихнет, земля высохнет, а лето задержится до самой зимы. Да так щедро припечет, что они и урожай собрать успеют, и коровы отелятся, и зима пройдет легко и беззаботно. А Святослав кивал и стискивал зубы, чтобы ненароком не вырвалась правда.

Они ведь и сами понимали, что дни становятся короче, а ночи длиннее. Что в сумерках сырость смешивается с прохладой подступающей осени. Что не будет никаких телят и жеребят, ведь скотину пришлось забить, чтоб не помереть с голоду. И все равно помирали... И роптали, мол, прокляли княжество. Мертвую воду наслали.

А Свят и не знал, что сказать. Засуха и ливни пришли ни с того ни с сего, и ни в одной летописи не удавалось найти упоминания о похожем буйстве стихии в их краях. Дол всегда славился мягкими зимами и щедрым, плодородным летом. С чего вдруг богам насылать на людей столько горя? Поиском ответов на эти вопросы занималась княгиня, но и в ее словах было мало внятного, только советы от ведунов: забить самого доброго коня, сжечь на костре самую жирную корову, а голову кинуть в устье реки. Но ничего не менялось.

Святослав тряхнул головой, отбрасывая налипшие на лоб кудри. Ливень хоть и сменился мелкой моросью, а легче от этого не стало. Вода в лодке скапливалась, губя продукты, одежда вымокла насквозь и стала тяжелой, как будто кто-то нагрузил карманы камнями. Но Свят не жаловался. Раздав последние мешки, они подплыли к пустой избе, ушедшей под воду по самую трухлявую крышу. Привязав лодку к коньку, юноши вылезли передохнуть на мокрых досках. Хоть они и устали,

а возвращаться в терем не хотелось. Не было ни малейшего желания сталкиваться с его хозяйкой и ее свитой ведунов и юридивых.

— Хорошо бы сейчас на охотку, — потянулся, блаженно прикрывая глаза, Влас. Святослав хмыкнул.

— Какая сейчас охота... вся животина из лесу побежала.

— Так-то оно так. Мужики болтали, мол, лес нынче волками кишит. Дурная примета, говорят. К покойникам.

Свят показал рукой на затопленные дома:

— И как это они догадались?

— Вот ты вроде книжки свои заморские читаешь-читаешь, а чем дольше ты над ними сидишь, тем скучнее становишься, — хохотнул Влас. — А что матушка твоя? Не придумала еще какого обряда, чтоб нас от напасти избавить?

В его голосе прозвучала издевка, и Святослав согласно ухмыльнулся. Иногда ему казалось — он был почти уверен, — что княгиню не смущала обрушившаяся на них беда. Наоборот, она чувствовала себя весьма вольготно. Но и ее уже начинала выводить из себя протекающая кровля и испорченная еда. Свят хотел было перевести разговор, как вдруг под крышей раздался стук. Слабый, но отчетливый. Княжич прислушался. Звук повторился, совсем рядом с ним. А затем раздались скрип и шуршание, как будто кто-то царапал с той стороны гниющие доски.

— Может, кошка, — пожал плечами Влас, но Святослав уже поднялся на ноги и принялся искать, где крыша обветшала достаточно, чтобы можно было ее проломить.

— Да какая разница? Там есть кто-то. Эй! — он дважды ударил ногой в серую, изъеденную гнилью доску, и та почти сразу треснула. В лицо пахло тухлой, застоявшейся водой. Свят и Влас в четыре руки принялись расширять дыру.

— Да кто там может быть? Дом вон сколько дней как затопило, — возразил Влас, но не отставал. Наконец дыра стала такой, что в нее можно было просунуть голову.

Конюх лег на грудь и всмотрелся. В мутной воде, словно рыбы, скошенные хворью, плавали фляги, бурдюки и пустые корзины. Белела труба печи, а на самой печи, прямо под проделанной дырой, копошилось что-то бесформенное.

— Эй, есть тут кто? — позвал конюх. Бесформенное нечто дернулось, и на Власа зыркнула пара светящихся, как угольки, глаз. Юноша вскрикнул и отстранился.

— Кто там? — спросил Свят, глядя, как бледнеет Влас.

— Там... т-там бабка на печи сидит! Носатая, — юноша сжал кулаки, пытаясь взять себя в руки. — Пойдем отсюда, а? Там воды по горло, мы мимо этого дома сколько раз проходили!

— Ну так что, сыночки, поможете старой женщине? — раздался голос из дыры в крыше. Свят бросил недовольный взгляд на Власа и принялся расширять отверстие дальше, пока в него не получилось пролезть целиком. В пролившемся в избу свете появилась всклокоченная старуха, укутанная в выцветшие шали. Она сама казалась огромным комком застаревшей плесени.

— Как ты тут очутилась, бабушка? — спросил Свят.

— Как-как? Была я тут. Прилегла поспать на часок, смотрю, а дом-то и залило, — всплеснула руками женщина.

Юноши переглянулись. Даже у Власа не нашлось подходящей шутки. Свят неуверенно пожал плечами и выдавил усмешку.

— Это же сколько ты спала, бабушка?

— Сколько старость требует. Радоваться надо в мои лета-то: сна может ни в одном глазу не быть месяцами, зато потом спишь как младенец, так что и сам не поймешь, помер или нет.

Свят спустился на печь и протянул руку старухе. Та неуклюже привстала и выпростала из-под платков и шалей узловатую ладонь, покрытую темными пятнами.

— Давай, бабушка, я тебя подсажу, а друг поднимет.

— Ай, славно. Смотри только, чтоб бабушка потом смогла свои старые косточки собрать, — прогнусавила та и зашлась сиплым визгливым смехом. Рука у нее оказалась неожиданно теплой, даже горячей, будто старуха все это время спала на растопленной печи.

С проворством молодой девчонки она оперлась на Святослава и взвилась вверх, выскочила на крышу, почти не касаясь Власа и... тут же снова сгорбилась, принялась вздыхать и кряхтеть. Свят выбрался следом и кивнул, наткнувшись на тяжелый, недовольный взгляд друга.

— Бабушка, есть у тебя где остановиться? Друзья или родные?

— Все бабушкины родные за лес да за реку ушли, — пожал плечами старуха, уверенно шаркая к лодке. —

Хотя есть один домишко, в котором я желанная гостья. Во-о-он там подруга моя давняя живет.

Она указала длинным пальцем на терем, угрюмо возвышавшийся на холме. Свят и Влас переглянулись, уже жалея, что достали сумасшедшую бабуку из избы. Та, словно почуяв их перемигивания, обернулась и расхохоталась.

— Не бойся, княжич, мы с княгиней уж много лет дружбу водим.

— Не помню, чтобы матушка...

— А-а, — пригрозила пальцем старуха. — Не мать она тебе. А останешься с ней наедине, напомни, что раз уж она решила стать тебе матерью, то женою уже не сумеет.

— Ты сбрендила, карга! — вздыбился Влас, но княжич выставил руку, осаживая его. В голубых глазах юноши застыли страх и непонимание.

— Откуда ты?..

— Бабушка все знает, что птички на своих хвостиках и крылышках носят. Все видит, все слышит. Даже то, чего другие знать не хотят. Ну, давай, вези меня к подруженьке. Да пошевеливайся, пока холод не вгрызся в твои косточки, хворать тебе еще рано, княжич.

Перемахнув через борт лодки, она уселась поудобнее, нашла завалившуюся корку хлеба и принялась грызть ее, мурлыча что-то себе под нос. Юноши переглянулись, не решаясь произнести хоть слово при странной женщине. Оживление на ее морщинистом лице ясно говорило о том, что старуха изголодалась по хорошей болтовне. Хоть юноши и старались не смотреть в ее сторону, она все равно пыталась разговаривать их:

— А что такие невеселые, мальчишки? Как будто и не рады, что жизнь спасли.

— Как тебя зовут-то, бабушка? — подал голос Святослав, усаживаясь на весла напротив старухи.

— А как назовешь, так и будут звать, — она рассмеялась, когда княжич нахмурил брови, и добавила: — Ладно-ладно, пусть буду Олеся. Хорошо? Ну, вот и ладненько.

ГЛАВА

2

Княжеский терем безразлично глядел на Дол пусты-
ми окнами. До самой темноты в стенах не зажига-
ли света, а когда становилось совсем уж мрачно, раз-
решалось затеплить одну или две сальные свечки на
комнату: много огня княгиня Дана не терпела.

Она вообще много чего не терпела. Она не любила
кошек и собак, птиц, пересоленную еду и незваных го-
стей. Одиночества княгиня тоже не переносила.

Ей нравилось иметь рядом кого-то, кто не перечил,
не спорил и не перебивал, когда княгиня Дана начина-
ла говорить. Речи ее лились бурной рекой. Она расска-
зывала истории из своей юности, по десять раз на дню
могла так и эдак пересказать день, когда князь Всеслав
слезно просил ее стать его женой, потому что увидел
в ней — простой крестьянской девушке — благодетели
настоящей княгини и красоту покойной жены. Свято-
слав едва ли помнил родную маму и просто верил Данае,
видя безграничную нежность, появлявшуюся в глазах
отца при взгляде на молодую жену. Теперь и образ кня-
зя потихоньку выветривался из памяти. Святослав ста-
рался его сохранить, задержать, подолгу сидел с закры-
тыми глазами, восстанавливая в памяти строгие черты,
но стоило приподнять веки, и все развеивалось. А ведь
болезнь забрала отца всего три месяца назад. И толь-

ко минули сорок дней, как на Дол обрушились беды. Сперва засуха, теперь потоп. В этом видели дурное предзнаменование, но разобраться, что именно разозлило высшие силы, не получалось, поэтому они просто обращались к каждому, кто мог их услышать. Отправляли скотину в лес, жгли сухие травы в печах, кормили хлебом покойных родственников. Но лучше не становилось.

Тогда-то и появились кумушки — две женщины, которых княгиня расположила в тереме как почетных гостей и в чьей компании проводила все дни. Святославу они не нравились. Холодные, отстраненные, они никогда не обращались к нему напрямую. Даже если кумушки были с ним в одной комнате, они говорили как бы через Дану, не оглядываясь на Святослава и постоянно называя княжича «он» или «этот». Одно хорошо: говорили они мало. То ли таились, то ли боялись. «Уж не Даны ли?» — думал Святослав. С их появлением княгиня, жизнерадостная молодая женщина, утратила всю веселость. Она стала нервной, мрачной, глядела исподлобья и непременно обижалась, как только что-то было сделано поперек ее слова. Дана и раньше была непростой, и за все пять лет, что она жила с ними в тереме, Святослав говорил с ней не чаще, чем того требовали приличия. Она не настаивала.

На отцовом смертном одре Дана поклялась быть матерью Святославу, но, стоило князю спокойно испустить последний вздох, все вернулось на круги своя. Княгиня держалась особняком, почти не заходила на мужскую половину, а Святослав и сам старался с ней не встречаться. Правда, только прошла пора гореваания, княгиня стала искать встречи с пасынком. Может,

смерть отца лишь теперь пустила корни в ее разуме и перестала виться утренней дымкой. Так или иначе, сочувствия ее утрате Свят не испытывал, как не ощущал сопереживания своей потере. Не искал он и утешения в объятиях девушек, которые первое время еще стремились развеять его тоску, но потом и сами стали сторониться будто одичавшего княжича. Теперь он только и думал о том, как с первой осенней листвой станет совершеннолетним и отправит мачеху на самый дальний хутор, лишь бы не видеть больше ее кошачьих зеленых глаз и кумушек.

Иногда через слуг Дана передавала Святославу гневные послания, в которых корила за вылазки в город и раздачу еды, но на этом все заканчивалось. Пока недавно княгиня сама не явилась к нему.

Святослав налегал на весла и вспоминал вчерашний вечер. Он допоздна засиделся за оставшимися от отца книгами, с трепетом переворачивая страницы, как вдруг в дверь постучали. Воровато оглянувшись, княгиня протиснулась в светлицу, словно боясь, что кто-то из слуг или кумушек увидит ее.

Темные брови удивленно взметнулись вверх, будто она надеялась, что ее пасынок спит. Святослав замер, как мышонок, застигнутый врасплох змеей. С толку сбивал ее вид: после похорон отца княгиня облачилась в траурные одежды и не снимала их, беспрестанно причитая о своей вдовьей доле, но теперь она стояла в праздничном сарафане, расшитом блестящим узором, румяная, с разноцветными лентами в длинных черных волосах. Ей было около тридцати лет, а она так и не смогла подарить покойному мужу ребенка, за что все слуги с жалостью смотрели на нее